

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10030

Грузнова Е. Б.

Отечественные традиции законотворчества от Закона Русского до Уложения 1649 г.

Несмотря на постоянный интерес исследователей к истории создания отдельных правовых актов допетровской России, процедура законотворчества как таковая редко становится предметом специального рассмотрения. Вместе с тем, имеется достаточно свидетельств источников о практике инициирования, обсуждения, утверждения, распространения и популяризации правовых документов практически на всём протяжении русской истории. Их сравнительный анализ позволяет говорить о традиционно соборном характере отечественной законотворческой деятельности, основанной на тесном сотрудничестве княжеской и церковной власти, представителей знати и земства.

До недавнего времени преобладали две точки зрения на источник права в древний период русской истории: это либо вече, если речь идёт о Северо-Западной Руси, либо князья для остальной восточнославянской территории. Однако более взвешенным представляется третье мнение, согласно которому законодательство «возникает в результате коллективной творческой деятельности всего общества. На него влияет активность всех социальных групп, партий, органов власти».¹

Однако творческая деятельность в сфере права возникает не на пустом месте, но прилагается к какой-то уже сложившейся практике, независимо от того, кодифицирована ли она или существует как некая общепризнанная исходная данность, не требующая письменной фиксации. В любом случае реальное изменение этой практики происходит лишь тогда, когда новые правовые нормы становятся частью традиции принимающего их сообщества или его новой традицией, замещающей отвергнутые обычаи.

Правовые традиции Русского государства также первоначально складывались на основе многовековой законодательной практики государствообразующих народов. Ещё в VI в. Прокопий Кесарийский свидетельствовал, что у обитавших к северу от Дуная славян и антов «вся жизнь и законы одинаковы».² А автор недатированной части Повести временных лет утверждал, что, как и у других народов, у которых вместо писаного закона действовали обычаи предков, обитатели Великой Скифии «имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нрав... не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ».³

Первая из известных ныне письменных фиксаций отечественного закона также упоминается в Повести временных лет в связи с событиями 907–911 гг., когда при заключении международного договора потребовалось сослаться на некоторые положения Русского закона (907 г.) или Закона русского (911 г.).⁴ Не останавливаясь здесь на давней, но бесперспективной, на наш взгляд, дискуссии о том, существовал ли этот закон в письменном виде до переговоров с греками или это была его

¹ Желонкина Е. А. Законотворческая техника в России XVII–XIX веков. М., 2015. С. 3.

² Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 298 (Кн. VII (III), гл. 14, § 22).

³ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 10–11.

⁴ Там же. С. 17–18.

первая кодификация, отметим лишь, что необходимость совмещения в тексте договора русских и византийских норм неизбежно обогащала отечественную практику законотворчества новым опытом как с точки зрения содержания правовых актов, так и в отношении процедуры их подготовки, утверждения и использования. Не случайно исследователи обычно связывают появление в так называемых варварских государствах единого писаного закона именно с распространением влияния Римской империи вообще и с процессами христианизации в частности. Но есть и другая точка зрения, согласно которой благодаря христианству «смысл юридического норматива стал дополняться нравственным содержанием», сам же норматив существовал и в дохристианский период, развиваясь от обычного права к писаному праву правителя, впоследствии облагороженному требованиями религии.⁵ Таким путём появилось право Римской империи, ставшее основой законодательства христианских стран, а позже право империи Чингизидов, с той лишь разницей, что там нравственное начало задавало не христианство, а ислам.⁶

В Восточной Европе переход на новый по сравнению с законами отцов этап, судя по всему, был связан с призывом варяжских князей, поскольку именно их летописец представляет в качестве опоры правового устройства общества. Местные жители «почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». И идоша за море къ варягомъ, к руси... Рѣша русь, чюдъ, словѣни, и кривичи и вси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжить и володѣти нами»».⁷ Откликнувшийся на их призыв Рюрик начинает устанавливать «наряд» с расадки по городам мужей княжего рода, ибо мужи некняжего рода сами по себе управлять не могли, как это следует из заявления Олега Аскольду и Диру под 882 годом. Тем не менее инициаторами то ли формирования, то ли восстановления разрушенной системы, в которой нарядом земли и судом занимается князь, летописец называет ряд племён, призвавших варягов, что само по себе предполагает какой-то обмен мнениями и принятие общего решения (И. Я. Фроянов не случайно полагает, что это происходило на вечевом сходѣ⁸). Таким образом, уже на начальном этапе формирования Русского государства мы обнаруживаем одинаково необходимое участие в конституирующей деятельности как князя, так и общества, на которое распространяются принятые нормы.

Проявление этого правила в отношении основных принципов государственного устройства можно обнаружить и в последующем. В период совместного управления Русской землёй потомки Ярослава в ситуациях, требовавших внесения каких-то изменений в это коллективное управление, собирались на княжеские съезды для принятия совместного решения. В 1096 г. Святополк Изяславич и Владимир Всеволодович предложили Олегу Святославичу прийти в Киев «на столь отец наших и дѣдъ наших, яко то есть старѣйшей градъ въ земли во всей», «да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градъскими, да быхом оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ», что вызвало возмущение Олега, полагавшего, что «нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменом, ли смердом».⁹ В 1100 г. те же три старших князя, но уже при посредничестве только своих мужей осуществили передел княжеских столов между Давыдом Игоревичем

⁵ Желонкина Е. А. Законотворческая техника в России XVII–XIX веков. С. 9.

⁶ Почekaев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 5–68.

⁷ Повесть временных лет. С. 13

⁸ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 67.

⁹ Повесть временных лет. С. 96–97.

и обиженными им младшими князьями, а в 1102 г. при участии и по настоянию представителей Новгорода и Владимира был изменён договор о распределении этих столов между двумя княжескими ветвями.¹⁰ Когда в 1211 г. на пороге смерти великий князь Всеволод Юрьевич захотел разделить свои владения между сыновьями — великое княжение Владимирское старшему Константину, а Ростов Юрию, — но столкнулся с претензией Константина на оба стола, он созвал на совет своих бояр, иерархов и представителей других сословий (в минималистичном варианте только бояр и епископа) и при всех людях лишил непокорного наследника великого княжения в пользу Юрия.¹¹

Тот же принцип можно наблюдать и на рубеже XVI–XVII в., когда после прекращения династии Рюриковичей приглашение на царский престол родоначальников новых династий — Бориса Годунова, Василия Шуйского, королевича Владислава, Михаила Романова — происходило с реальным или мнимым соблюдением принципа всенародного избрания. Во всяком случае, в выписке из приговора земского собора об избрании Михаила Романова на царский престол в феврале 1613 г. указано, что «Московского государства бояре и воеводы и всяких чинов всякие люди, которые в то время были на Москве, писали во все города всего великаго Российскаго государства к митрополитам, и к архиепископам, и епископам, и к архимаритам, и игуменам, и ко всему освященному собору, и к боярам, и воеводам, и к дворянам, и к гостям, и к посадским, и ко всяким служилым и жилецким людям, чтоб изо всех городов всего великаго Российскаго царствия изо всяких чинов послали к Москве, для земскаго совета и для государскаго обирания, лучших и разумных людей, и с их бы земскаго совета vybrати на Владимирское и на Московское и на Новгородское государства, и на царства Казанское и Астраханское, и Сибирское, и на все великия Российския государства государем царем и великим князем, всея Руси самодержцем, кого Бог даст...», а после избрания «бояре, и окольничие, и чашники, и стольники, и дворяне большие, и дьяки, и всяких чинов люди крест ему, великому государю целовали по записи, какова по совету всей земли уложена; а дворян и детей боярских, и всяких служилых и дворовых людей, и голов стрелецких, и гостей, и атаманов, и стрельцов, и казаков и посадских людей к крестному целованью приводили бояре и диаки, розделясь порознь, по статьям, по тем же записям».¹²

Довольно много информации о законотворческой деятельности в начальный период Русского государства связано с именем князя Олега, который «нача города ставити, и устави дани словѣном, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривень 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ».¹³ Если источники не содержат сведений о подробностях уставления Олегом даней, то само слово «устави» указывает скорее на единоличный характер этой деятельности, осуществлявшейся на основе тех полномочий, которые князья получили в момент призвания. Более сложная схема прослеживается в сообщениях Повести временных лет под 907–911 гг.¹⁴ Из них видно, что Олег руководил переговорами о заключении мирного акта — именно он «заповѣда» условия договора с укладами на города, по которым сидели «велиции князи, под Олгом суще». При этом греки со своей стороны выдвинули условие, «да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣх в странѣ нашей». Таким образом, Олег

¹⁰ Там же. С. 116–117.

¹¹ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 108; Т. 10. СПб., 1885. С. 63–64.

¹² Памятники российского права. В 35 т. Т. 3. Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Кн. 2. М., 2014. С. 233–234.

¹³ Повесть временных лет. С. 14.

¹⁴ Там же. С. 17–18.

был уполномочен выдвигать требования от имени великих князей Руси, а греки были уверены в том, что он может давать указания своим соотечественникам. Текст договора показывает, что гарантии его соблюдения давал не только Олег за себя и «сущих подъ рукою наших князь свѣтлых», но и посланные на подписание мужи тех самых светлых князей: «по закону и по покону языка нашего, не преступити нам, ни иному от страны нашей от уставленных главъ мира и любви». Интересно, что по возвращении эти мужи отчитались о ходе и результатах заключения договора непосредственно перед Олегом, а не перед своими князьями. Таким образом, Олег выступал от имени князей, а мужи — от имени подвластного этим князьям населения. По сути, мы видим здесь работу такого же представительного органа как земские соборы эпохи централизованного государства. Только решения последних скреплялись крестным целованием со стороны гарантов, а в данном случае русская сторона — как Олег, так и «мужи его по Рускому закону, кляшася оружием своим, и Перуном, богом своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ». Когда же потребовалось письменно закрепить проработанные и апробированные за пять лет детали и механизмы реализации утверждённых в 907 г. принципов, это делали уже только мужи, «иже послани от Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь, и его великих боярь... похотѣньем наших великих князь и по повелѣнию от всѣх иже суть под рукою его сущих Руси». Таким образом, условия мира подписали представители уже не только князей, но и бояр, причём по решению всего общества.

Такая же общность прослеживается при заключении договора с греками в результате похода 944 г., когда князь Игорь «созва дружину, и нача думати, и повѣда имъ рѣчь цареву», а затем «послуша их» и, приняв предложение греков, вернулся домой, после чего стороны направили друг к другу послов. Царь Роман «созва бояре и сановники», перед которыми говорили «от рода рускаго сълы и гостье, Иворъ, соль Игоревъ, великаго князя рускаго, и обѣчи сли..., послани от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжя и от всѣхъ людей Руския земля». Среди этих общих послов летопись перечисляет представителей 24-х конкретных лиц и 26-ти купцов, которые должны были «створити любовь съ самѣми цари, со всѣмъ боярьствомъ и со всѣми людьми гречьскими на вся лѣта, донде же съяетъ солнце и весь миръ стоить. И иже помыслить от страны руския разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье прияли суть, да примуть мечь от Бога Вседержителя, осуженье на погибель въ весь вѣкъ в будущий; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, от стрѣль и от иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ в будущий».¹⁵ Таким образом, с обеих сторон субъектами договора выступали правители, знать и граждане, а гарантами — божественные силы, тогда как подписанты подтверждали лишь истинность написанного, его соответствие принятым решениям.

Особенно интересно заключение мира в 971 г. также сохранились данные о совещании князя с дружиной. «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи рустѣмъ, и при Свѣнальдѣ», Святослав утвердил на этом совещании свою роту о мире с царями и всеми их людьми «и иже суть подо мною Русь, бояре и прочии, до конца вѣка... Да аще инъ кто помыслить на страну вашу, да и азъ буду противень ему и борюся с нимъ. Яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною бояре и Русь вся, да схранимъ, правая свѣщанья... азъ же и со мною и подо мною...».¹⁶ Таким образом, независимо от круга участвовавших в обсуждении условий мира, эти

¹⁵ Повесть временных лет. С. 23–24, 26.

¹⁶ Там же. С. 34.

условия становились обязательными для всей Руси, но их гарантом в данном случае выступал только князь — возможно, в силу того, что именно он был инициатором нарушения мира.

Из договоров Новгорода с зарубежными государствами конца XII — XV вв. видно, что и в последующий период международные акты заключались князем (или его наместником) совместно с другими гарантами — владыкой, посадником, тысяцким, старостами, купцами и даже всеми новгородцами.¹⁷ Но если князь не участвовал в процедуре, то за весь Новгород обычно целовали крест и прикладывали руку и печать посадник и тысяцкий, как в 1326 г. с Норвегией, или в 1372 г. с немецким купечеством, или в 1436 г. с ганзейскими городами.¹⁸ То есть процедура в целом сохранялась, но её полноправными участниками теперь стали и иерархи русской церкви, а основными подписантами могли выступать выборные лидеры не княжеского достоинства.

Существенно, что в период от призвания варягов до крещения все нормотворческие и управленческие действия, кроме заключения договоров с греками, князья или посланные ими наместники совершают единолично, как княгиня Ольга при установлении уроков и погостов по Мсте и Лузе или Добрыня при установке идола Перуна в Новгороде. Единственное совместное решение, но принятое лишь старцами и боярами, без участия князя, связано с метанием жребия о жертве в 983 г.¹⁹ В законотворчестве же очередным коллективным действием стал выбор веры, когда «созва Володимеръ бояры своя и старци градъскіѣ», которые присоветовали отправить мужей на изучение вер — «и бысть любя рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены, числом 10». По возвращении посланных князь снова созвал «бояры своя и старца» и приказал: «Скажите пред дружиною». И далее летописец рисует картину, которая хорошо известна по эпохе земских соборов — собравшиеся заслушивают доклад о результатах изучения вер, а одна из групп участников — бояре — ссылаются на уже имевшийся отечественный опыт жизни в христианстве, связанный с именем княгини Ольги, т. е. на прецедент, дополнительно склонивший чашу весов в пользу православия.²⁰

Практика выстраивания различных сфер жизни совместно с дружиной, к которой, согласно сообщению летописи о пирах, принадлежали бояре, гриди, сотские, десятские и нарочитые мужи, была нормой древней Руси на всех этапах её существования, а не только при князе Владимире, который «любя дружину, и с ними думая о строи земленѣм, и о ратехъ, и о уставѣ земленѣм...».²¹ Интересно, что попытка единоличного введения князем нового вида наказаний за разбой по совету епископов без привлечения общественности не увенчалась успехом, а решение о возврате к отвергнутому «устроенью отъню и дѣдню» — вирам, принималось уже совместно епископами и старцами, князь же утвердил их предложение («Тако буди») и обеспечил его выполнение.²² Относительного этого летописного сюжета И. П. Медведев, указав, что «исследователи видели в нем попытку греческого духовенства ввести на Руси действие византийского уголовного права», предположил, что «греческое духовенство могло воспользоваться усилением разбойничества как предлогом с целью распространить на ставшую христианской Русь действие «византийского закона»».²³ Однако норма, определявшаяся Кормчей книгой, в тот момент оказалась неприемлемой для реалий

¹⁷ ГВНП. М.; Л., 1949. № 28–78. С. 55–136.

¹⁸ Там же. № 39, 43, 67. С. 69, 76–79, 110–112.

¹⁹ Повесть временных лет. С. 38.

²⁰ Там же. С. 48–49.

²¹ Там же. С. 56.

²² Повесть временных лет. С. 56.

²³ Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб, 2001. С. 293.

восточнославянской жизни, поэтому так легко и нашёлся повод, признанный и духовенством, и старцами достаточным для её отмены — возможность использования вир для покрытия военных расходов.

На религиозном направлении после принятия судьбоносного решения о крещении Руси князь Владимир обычно единолично или с привлечением лишь церковных иерархов и своей семьи распоряжается введением новшеств и устройством церкви. Митрополит Иларион в «Слово о Законе и Благодати» прямо указывает на практику совещаний князя с епископами-греками по поводу изменения законодательства: «Ты же съ новыими нашими отъци епископы сънимаіася часто, съ мъногымъ съмѣрениемъ съвѣщаваашеса, како въ чловѣцихъ сихъ, новопознавъшихъ Господа, законъ оуставити».²⁴ Именно «в совместной законодательной деятельности светской и церковной власти», по наблюдению И. С. Чичурова, Иларион видел сходство правления Владимира и Константина Великого.²⁵

О той же практике говорит и «Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных», сохранившийся в списках XIV–XIX вв.²⁶ Судя по информации, содержащейся в первых статьях памятника, десятину на нужды церкви князь Владимир ввёл единолично, одновременно с созданием церкви Богородицы, а инициатором принятия самого Устава был митрополит Киевский (Михаил, либо Леон), который представил князю Номоканон, регулирующий сферу церковного суда. Ознакомившись с этим документом и обнаружив, что «не подобает сих тяж и судов судити князю, ни бояром, ни судьям его», Владимир «сгадав аз со своею княгиною Анною и со своими детьми, дал есмь святой Богородици и митрополиту и всем епископом. А ты не ступають ни дети мои, ни внуци мои, ни род мои в люди церковныя и во все суды. И по всем городом дал есмь, и по погостом, и по свободам, где крестьяне суть. А кто вступит на мое дание, суд мне с тем пред богом, а митрополиту проклинати его сбором».²⁷

Исследователи напрасно, на наш взгляд, искали причину издания Устава от имени князя и его семьи исключительно в ориентации на византийский образец отношений между царём и церковью и в гипотетичном соглашении с Анной «как представительницей византийского императора — номинального главы восточной православной церкви — о патронате князя над церковной организацией».²⁸ Ведь ещё до принятия христианства суд на Руси был прерогативой князя, который мог делегировать и судебные полномочия, и доходы от судебных пошлин полностью или частично своим представителям. Церковные иерархи в данном случае выступали именно такими представителями в отношении одной из сфер жизни, поэтому князю не требовалось обеспечивать своё решение поддержкой кого-либо кроме своей супруги и своих наследников, которые, вопреки мнению Ю. В. Оспенникова, являлись гарантами этого акта не только после смерти Ярослава, но и при его жизни.²⁹ По той же причине и его сыну Ярославу понадобилось «по данию отца своего» лишь подтвердить вместе с митрополитом Иларионом соответствие этого решения требованиям Номоканона, добавив в число его потенциальных нарушителей наряду с представителями княжеского рода («или сынове мои, или внуци мои, или правнуци мои, или от рода моего

²⁴ Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 2011. С. 98–99.

²⁵ Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 134.

²⁶ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 12–84.

²⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 140, 148.

²⁸ Там же. С. 144, 153.

²⁹ Памятники российского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права древней Руси: учебно-научное пособие. М., 2013. С. 463.

кто») также бояр, с угрозой, помимо проклятия «от святых отец», «судивше, казнити по закону».³⁰ Добавление, видимо, было связано с выявившимися проблемами, поскольку и в списках Синодальной редакции Устава Владимира дополнительно указано: «И своим тиуну приказываю церковного суда не обидети, ни судити без владычня наместника»³¹. По наблюдению Ю. Г. Алексеева, впоследствии рязанские князя также выдавали свои грамоты церкви по согласованию со своими сородичами, боярами и владыкой (как Олег Иванович Ольгову монастырю в 1371 г.), а тверские — по их «печалованию».³²

Спустя несколько столетий для принятия очередного документа для регулирования церковной жизни (Стоглава) и утверждения новых гражданских установлений царь привлечёт к совместному действию со «всею освященным собором» своих любимых князей и бояр, воинов и всё православное христианство, то есть существенно расширит участие в процессе принятия законов разных слоёв общества. Это отчасти напоминает ситуацию, демонстрируемую Уставом великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых, дошедшим в двух изводах второй половины XIV — второй половины XV вв., но датируемым обычно последней четвертью XII в. или первой четвертью XIII в.³³ Согласно тексту акта, он также принимался по решению самого князя, усомнившегося в правильности своих судебных решений по ряду вопросов, относившихся к ведению церкви, и поручившего в дальнейшем заниматься ими своим епископам.³⁴ Но процедура составления части документа, посвящённой распределению доходов от суда и мерил между митрополитом Киевским, Новгородским епископом, старостой церкви Ивана на Опоках и всем Новгородом, потребовала созвать 10 сотских, старосту Болеслава, бирича Мирошку, Иванского старосту Васяту и принять решение лишь после обсуждения «с владыкою, и с своею княгынею, и с своими бояры, и с десятию сочьскими, и с старостами».³⁵ Здесь дело не в «контаминации княжеских и вечевых институтов», как полагал Ю. Г. Алексеев,³⁶ а в том, что решение разных задач достигалось посредством разных процедур.

Совместность действий князя и церкви в области устройства церковной жизни при участии княжих мужей прослеживается в Смоленских уставных грамотах 1136–1150 гг., посвящённых выделению и устройству Смоленской епархии. В данном случае очевидно, что светская и церковная власть утверждают каждая свой правовой акт, которые как бы взаимодополняют друг друга. В грамоте князя Ростислава Мстиславича 1136 г. сказано: «2. Приведох епископа Смоленску, здумав с людьми своими, по повелению отца своего святого, еже хотев при животе своем сътворити, (и)но есть (зд)е первее сего не бывало епископы». Сопровождающая её грамота епископа Маноила подтверждает: «1. Се яз, худый и грешный и недостойный епископ Маноил с благородным и христоролюбивым князем моим Михаилом утвержаеве, еже написана, утвержена и сотворена о благодати и благословением святого духа поставленником моим митрополитом русским кир Михаилом при благоверном и христоролюбивем князи моем кир Михаил(е) и утвердил устав церковный именем Ростислав, по отца своего святого молитвы и по повелению его уставил есть епископью Смоленскую».³⁷ В памятниках эпохи земских соборов XVI–XVII вв. это раздельное участие разных

³⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 168, 170, также 189, 192–193.

³¹ Там же. С. 149.

³² Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III: Традиции и реформа. СПб., 2001. С. 91–92.

³³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 254.

³⁴ Там же. С. 159.

³⁵ Там же. С. 250–251.

³⁶ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 81–82.

³⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 213, 216.

сторон в создании новой правовой ситуации будет описываться гораздо подробнее, благодаря чему можно увидеть, что и обсуждение вопроса, требующего законодательного разрешения, и принятие резолюции происходило раздельно, а затем решения всех групп собирались в одном акте, отражавшем их позиции. Это можно наблюдать на примере Судебника 1550 г., Стоглава, утверждённой 15 января 1580 г. грамоты о монастырских землях, выписки из записи о земском соборе по вопросу о закреплении Азова за Россией 1642 г. и Уложения 1649 г.

Неизвестно, каким образом и насколько широко происходило в древности доведение правовых актов до сведения населения или хотя бы тех, кто занимался исполнением административных функций. Судя по всему, на места направлялись грамоты с изложением тех положений, соблюдение которых там предстояло обеспечивать. Во всяком случае, именно такая практика прослеживается в ряде таких распорядительных грамот, как грамота великого князя Андрея Александровича, отправленная в 1294–1304 гг. на Двину с сообщением местным посадникам, скотникам и старостам о договоре с Новгородом о кормах и подводах для великокняжеских ватаг; грамота 1328–1341 гг. «от великого князя от Ивана, от посадника Данила, от тысяцкого Аврама и от всего Новгорода къ двинскому посаднику на Колмогоры и к боярамъ къ двинскимъ» об ответственном за морской промысел в Печерской стороне; грамота великого князя Дмитрия Ивановича 1363–1389 гг. о пожаловании в кормление Андрею Фрязину Печоры с обращением к местным жителям: «а вы, печеряне, слушайте его и чтите, а он вас блюдетъ»; грамота 1471 г. от властей Великого Новгорода «к старостамъ и ко всѣм христіаномъ» ряда великокняжеских земель об отмене неправомерного крестного целования «на новугордское имя».³⁸

Большое количество списков Устава Владимира (более 200), а также продолжавшееся в XV–XIX вв. переписывание Устава Ярослава говорит об их востребованности в практической деятельности (прежде всего, в деятельности церкви, для которой они исходно издавались) и о периодически возникавшей необходимости изготовления новых списков взамен обветшавших или утраченных. О том, какую роль эти Уставы играли на рубеже XIV–XV вв., свидетельствует рассказ о создании одного из списков содержащего их «свертка» — он был списан со старого Номоканона по решению великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана: «Се язъ князь велики Василей Дмитриевичъ всея Руси, сѣдъ своимъ отцемъ съ Кипріаном митрополитомъ Кіевскимъ всея Руси, управиль есмь по старинѣ о судѣхъ о церковныхъ, изнашедъ старый Номоканонъ, какъ управиль прадѣдъ мой святой князь великій Володимерь и сынъ его князь велики Ярославъ всея Руси. Как управили они, сѣде съ митрополиты, о судѣхъ церковныхъ и исписали Номоканонъ по Гречскому Номоканону, что суды церковныя и вся оправданія церковная какъ пошло издавна, потому же и мы нынѣча управили, оже бы то неподвижно было николи, напередъ въпрокъ ни умножити бы, ни умалити, но тако бы то и стояло неподвижно, какъ тѣ велиции святии князи вписали и укрьпили. Списан же бысть сій свертокъ изъ великого и старого Номоканона, на Москвѣ, въ лѣто 6911, индикта 11, мѣсяца ноября 11».³⁹ В 1419 г. аналогичный список с рассказом о его создании на основе Номоканона был подготовлен по совместному решению того же великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Фотия.⁴⁰ Не исключено, что появление этих списков напрямую связано с изменением общеполитической ситуации после Куликовской битвы, когда потребовалось восстановить и подновить правовую основу деятельности государства

³⁸ ГВНП. № 83, 85, 87, 98. С. 141–143, 154.

³⁹ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 86.

⁴⁰ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 184–185.

и церкви. Не случайно исследователи отмечают процесс пробуждения интереса к правовым текстам в 80–90-е годы XIV в. сразу в Москве, Новгороде и Пскове, с чем связаны Мясниковский, Новгородско-Софийский и Чудовский изводы Русской правды, Двинская, Новгородская и ранняя редакция Псковской Судной грамоты.⁴¹

Такая же тенденция передачи от поколения к поколению прослеживается и в отношении одного из основных памятников древнерусского права — Правды Русской, которая, к тому же, неоднократно пополнялась новыми статьями. Текст этого документа хранит одно из самых ранних свидетельств о порядке работы над созданием и изменением законов на Руси, характерном и для последующих эпох. Вряд ли можно согласиться с точкой зрения, что «Правда Ярослава и Правда Ярославичей создавались князьями, законодательной властью, а переписчик затем объединил эти законы в один документ, который мы называем Краткой редакцией Русской Правды».⁴² Рассказ о порядке работы над законодательным актом, помещённый в его тексте, можно обнаружить во многих русских правовых документах. Он есть не только во всех Судебниках и в Уложении 1649 г., но и в уставных, судных, губных и земских грамотах. При этом некоторые из них содержат подробную ссылку и на порядок создания предыдущего документа, на положения которого полностью или частично опирался новый акт. Такая форма подачи в наилучшей мере позволяла оценить степень преемственности и новаций нового закона по отношению к прежнему. Судя по всему, в дошедших до нас редакциях Правды русской мы имеем дело с подобной же ситуацией — она изначально представляла собой документ, составленный Ярославичами и включавший текст Правды Ярослава. Хотя в ней отсутствуют данные о том, как именно принимал закон Ярослав, многие исследователи склоны связывать это событие с упоминанием летописи о том, как после утверждения в Киеве в 1019 г. этот князь «правду дал и устав списал» пришедшим с ним новгородцам. Но эта фраза сама по себе означает, что у князя уже был устав, который можно списать. Неслучайно на основании схожей формулировки Новгородской первой летописи Л. В. Черепнин связал создание Пространной Правды с новгородскими событиями 1209 г., когда князь Всеволод после преодоления конфликта с новгородцами, возникшего из-за нарушения ранее действовавших норм, дал им «всю волю и уставы старых князей».⁴³ Для нового же документа в летописях зафиксирована другая формула, как это видно из описания событий 1036 г., когда «самовластец в Руской земли» Ярослав «посади сына своего в Новѣгородѣ Володимера, и епископа постави Жирятоу; и людемъ написавъ грамоту, рекъ: „по сеи грамоте дайте дань“».⁴⁴

Гораздо лучше обстоит дело с информацией о принятии той части Правды Русской, которая соотносится с Ярославичами. В Краткой редакции она начинается словами: «Правда уставлена руськой земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин Микула», а Пространная редакция содержит несколько более подробное пояснение: «По Ярославе же паки совкупишесе сынове его: Изяслав, Святослав, Всеволод и мужи их: Коснячко, Перенег, Никифор и отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати, а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша».⁴⁵ Расхождения текста породили немало споров вокруг вопроса о времени и об участниках создания закона, тем более что в одном

⁴¹ Памятники русского права. В 35 т. Т. 2. Памятники права удельной Руси: учебно-научное пособие. М., 2013. С. 97.

⁴² Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 20.

⁴³ Там же. С. 42.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 114; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 177; Т. 7. СПб., 1856. С. 330; Т. 9. СПб., 1882. С. 79–80.

⁴⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 48, 64.

из списков Пространной Правды (Новгородская кормчая 1493 г. из собрания Соловецкой библиотеки РНБ № 968/858) первым в ряду сыновей Ярослава добавлен Владимир, умерший ещё при жизни отца, а после Святослава — Вячеслав.⁴⁶

Оставляя в стороне эти дискуссии, заметим лишь вслед за другими исследователями, что в состав участников съезда входили как князья, так и их мужи, но не упомянуто ни одного представителя духовенства. При этом в гораздо более поздних вечевых судебных грамотах — Новгородской и Псковской — представители церкви присутствуют, но только как давшие благословение на создание этих документов («по благословению нареченного на архиепископство Великого Новгорода и Пскова священноинока Феофила» и «по благословию отец своих попов всех 5 съборов, и священноиноков, и дияконов, и священников и всего Божия священства всем Псковом»).⁴⁷ В следующих же по времени общерусских актах о суде вновь видим порядок, характерный для Правды Русской, поскольку «князь великий Иван Васильевич всея Руси с детми своими и с бояры» уложил Судебник 1497 г., а его внук «царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси с своею братьею и з бояры» — Судебник 1550 г.⁴⁸ И это при том, что Иван III принимал все важные решения совместно с сородичами, боярами и духовенством (о поставлении митрополитов, женитьбе на Зое Палеолог, походе на Новгород), но на совещаниях по поводу Судебника 1497 г. иерархи не упомянуты.⁴⁹ Такая ситуация может быть связана с тем, что эти документы регулировали светский и совместный суд, тогда как вопросам церковной жизни были посвящены специальные церковные уставы, а в эпоху Ивана Грозного — Стоглав, так что они, по наблюдению Ф. Морощкина и Ю. В. Оспенникова, как бы взаимодополняли друг друга.⁵⁰ Однако следует отметить, что Судебник 1550 г. и уставные грамоты о местном самоуправлении по указанию царя рассматривались и были утверждены на Стоглавом соборе, причём на открытии Собора царь упомянул, что «въ предыдущее лето» он получил благословение иерархов «Судебникъ исправити по старине»,⁵¹ так что в работе над этими документами участвовали и церковные деятели, хотя и отдельно от основных разработчиков. Впоследствии же правовые акты практически всегда создавались при непосредственном участии духовенства, хотя оно могло и не упоминаться в числе ответственных за их сотворение институтов. Например, в Судебнике 1589 г. указано, что он подготовлен Федором Ивановичем «со отцем своим духовным потреряхом московским Иевом, да с митрополитом, наогоротцким Александром, и со всеми князми, и бояры, и со вселенским собором, по прежнему уставу, по уложению отца своего благоверного царя Ивана Васильевича всея Руси, и прежних князей, и бояр»⁵² — как видно, ссылки на утверждение предыдущего акта при участии представителей церкви здесь нет.

Что касается степени участия в разработке законов руководителей государства и знати, то, как видно на примере уже рассмотренных актов, великий князь, а затем царь руководил процедурой их создания — он всегда называется на первом месте, даже тогда, когда со-инициатором выступает глава церкви, как при составлении церковных уставов. В случаях, когда заинтересованной стороной выступает правящий род, на втором месте после его главы называются его супруга, дети, братья и другие представители династии — круг соправителей и наследников, от которых зависел

⁴⁶ Там же. С. 74 (комм. 29–30), 82–83.

⁴⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 304, 331.

⁴⁸ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 54, 97.

⁴⁹ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 137–144.

⁵⁰ Памятники российского права. Т. 1. С. 453–454.

⁵¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 267.

⁵² Памятники российского права. Т. 3. Кн. 2. С. 126.

успех реализации акта, как в случаях с русско-греческими договорами или с Правдой Ярославичей. И лишь затем перечисляются представители боярства.

Следует также отметить возможность существования недошедших или невыявленных княжеских актов регионального значения, при составлении которых учитывались правовые традиции отдельных земель, т. е. позиция местных элит. По утверждению В. Н. Татищева, специально изучавшего этот вопрос, «сверх сих были законы по княжениям. Как князь великий Василий Темный ростовским бояром велел судить по их законам, так Иоан Великий по прозьбе резанских бояр позволил судить по их законам. Таковых я у онаго ж князя Голицына видел собрано книга немалая, и оные где либо неизвестном ныне доме хранятся, которое собрать и любопытным открыть не бесполезно».⁵³ Соединение княжеских установлений и местного, обычного права есть и в Псковской судной грамоте, на что указывал Ю. Г. Алексеев,⁵⁴ хотя сами князья к её созданию отношения не имели, использовались лишь прежние княжеские акты.

Участие в законотворчестве разных групп граждан до середины XVI в. наилучшим образом прослеживается в актах местного действия на этапе их инициирования. Так появилось большинство губных и земских грамот и их подтверждений (полностью, либо с ограничениями, проистекавшими из действующего законодательства) следующими правителями — «вследствие ходатайства о том самого населения, сознававшего себя мало огражденным от злоупотреблений и угнетений со стороны своих начальников».⁵⁵ Либо по челобитью владельцев земель, на которых проживало жалуемое население — как две грамоты, данные в 1541 г. по просьбе игумена Троице-Сергиева монастыря Алексея с братией «приказщиком, и сотскимъ, и десятскимъ, и всѣм крестьяномъ» их сѣл, на основе которых в 1586 г. царь Фѣдор выдал новый документ, подтверждённый затем Борисом Годуновым, Василием Шуйским и Михаилом Романовым.⁵⁶ Из этих подтверждений видно, что, вопреки мнению С. А. Шумакова, повсеместное введение губных и земских учреждений во второй половине XVI в. не привело к замене этих грамот книгами «соответствующих приказов, имевших уже не местное, а общерусское значение»,⁵⁷ поскольку грамоты, как и указы, сохраняли значение действующего нормативного акта для жителей конкретной территории. Не случайно в земских грамотах крестьянам Переяславского уезда 1556 г., Замосковской волости 1561 г. и посадским и городским людям Устюжны Железнопольской 1614 г. предписывалось судить по этим грамотам, а в делах, которые в них не прописаны — по Судебнику.⁵⁸

Наряду с законотворчеством под эгидой князя в источниках встречаются также упоминания о принятии законодательных решений на вече без участия князя, как в 1385 г., когда «посадницы Новгородстїи сотвориша вѣче по старому обычаю Новгородцкому, посадникъ Феодоръ Тимофѣевичъ и тысяцкїй Богданъ Аввакумовичъ, и крестнымъ цѣлованїемъ укрьпишася не зватися имъ на Москву къ митрополиту на судъ, но судити ихъ владыцѣ Новгородцкому Алексѣю, или кто по немъ иный владыка будетъ въ Новѣгородѣ; судити же ихъ по закону Гречьскому и въ правдѣ и въ винѣ быти у нихъ по вѣрѣ, по евангелїю закона Гречьскаго, а посаднику и тысяцкому судити свои суды по Рускому обычаю, по цѣлованїю крестному; а на судъ поимати двѣма исцомъ по два боярина и по два житя мужа съ коеяждо страны».⁵⁹ В Новгородской четвёртой

⁵³ Татищев В. Н. История Российская. Т. 7. Л., 1968. С. 278.

⁵⁴ Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. С. 83.

⁵⁵ Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. С. 9.

⁵⁶ ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 194, 330. С. 170–174, 391–398.

⁵⁷ Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. С. 7, 36–38.

⁵⁸ Там же. С. 207–208.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 85–86.

летописи уточняется, что кроме посадника и тысяцкого в этом решении «цѣловаше крестья... на вѣчи на княжи дворѣ и вси боляре и дѣти боярьскіи, и житѣи и черные люди, и вся пять концевѣ».⁶⁰

Большое разнообразие вариантов участия в законоотворчестве наблюдается в период складывания и развития централизованного государства. Проанализировав процедуру принятия законов с 1497 по 1562 г., А. И. Филюшкин обнаружил 12 прямых указов государя, многие из которых, как отмечал ещё М. Ф. Владимирский-Буданов, носят характер распоряжений и посвящены узким вопросам; указы, принимавшиеся «с докладу» боярина или другого работника аппарата управления и адресованные сразу его конкретным исполнителям — дьякам, казначеям или в «боярский приказ»; 6 приговоров царя «со всеми бояры», на основе которых «исполнителям рассылались памяти за дьячими приписями»; 10 приговоров царя «з бояры», среди которых могли быть не только думные чины, но и окольные, постельничие, дьяки; 4 акта, принятых царем совместно с освященным собором (три по делам церкви и Судебник 1550 г.). Кроме того, 7 актов не имеют указания на процедуру оформления, а 2 документа 1558 г. приняты Боярской думой после того, как государь «приказал им бояром своим словом». Из этих наблюдений учёный делает вывод, что «законодательная процедура вплоть до середины XVI в. была неустоявшейся».⁶¹

Однако если расширить хронологические рамки до середины XVII в., то вариантов окажется ещё больше. В уставных книгах разбойного, земского и поместного приказов встречаются следующие: 1) царь «приговорил з бояры» / «со всеми бояры» (1555, 1556, 1597 гг.);⁶² 2) царь «велел указ учинити», выслушав доклад (1555, 1634, 1637 гг.);⁶³ 3) царь с сыном-царевичем «приговорили со всеми бояры» (1603 г.);⁶⁴ 4) царь «указал» (1587, 1607, 1623 гг.);⁶⁵ 5) «бояре слушев статей приговорили. А что в которой статье бояре приговорили, а то писано под статьями» (1608, 1622 гг.);⁶⁶ 6) при царях Федоре Иоанновиче и Борисе Федоровиче «дан в Разбойной приказ боярской приговор» (книга 1616–1617 гг.) или просто боярский приговор (1612 г.);⁶⁷ 7) государев указ дан после слушания доклада «по статеиному списку» царем и патриархом «и с того статеиноу списка послана к вам роспись под сею памятью, за дьячьею приписью» (1628 г.);⁶⁸ 8) царь и его отец патриарх «указали», «да и в книги то написать» велели (1622, 1625, 1629 гг.);⁶⁹ 9) царь и его отец патриарх указали «по прежнему своему государеву указу и по боярскому приговору» (1622 г.);⁷⁰ 10) царь «указал», заслушав челобитье дворян и детей боярских, и «бояре приговорили» (1641 г.);⁷¹ 11) царь, заслушав доклад с боярами, «указал и бояре приговорили» (1646);⁷² 12) царь и его отец патриарх указали «по сему приговору» после совета с боярами (1622 г.).⁷³ В ст. 228 Судебника

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 342.

⁶¹ Филюшкин А. И. Законодательная деятельность Боярской думы в конце XV — середине XVI в. (к вопросу о процедуре законоотворчества) // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 203–205.

⁶² Памятники русского права. Т. 3. Кн. 2. С. 263, 267, 271–272.

⁶³ Там же. С. 266, 291, 298.

⁶⁴ Там же. С. 274.

⁶⁵ Там же. С. 275, 306, 307.

⁶⁶ Там же. С. 276, 293.

⁶⁷ Там же. С. 278–282, ст. 9–10, 16, 19, 30, 44, 46; 310.

⁶⁸ Там же. С. 284, 286.

⁶⁹ Там же. С. 292, 295, 296, 309.

⁷⁰ Там же. С. 296.

⁷¹ Там же. С. 300–304.

⁷² Там же. С. 304

⁷³ Там же. С. 309.

1589 г. содержится также вариант «приговорил царь и великий князь» — сам, без бояр, при наличии в ст. 200 ссылки на введение нового закона в действие: «А впред всякие дела судити по сему Судебнику, и управы чинити по указу, как государь укажет, с котораго дни уложит».⁷⁴

Такое разнообразие на протяжении длительного времени может быть связано не столько с тем, что законодательная процедура была неустоявшейся, сколько с её зависимостью от обстоятельств появления конкретного законопроекта, круга заинтересованных в нём лиц и групп общества и предполагаемых последствий его утверждения. Без проведения глубокого сравнительного анализа этих и других параметров принятия каждого акта любые выводы будут недостаточно обоснованными.

Интересны данные о практике редактирования действующих законов. Последнее зафиксированное источниками дополнение Правды Русской произошло при Владимире Мономахе, по мнению многих исследователей, в том числе Р. Л. Хачатурова, на съезде в Берестове, который князь созвал сразу после занятия Киевского стола в 1113 г.⁷⁵ Действительно, в ст. 53 Пространной Правды сказано, что после смерти Святополка Мономах «созва дружину свою на Берестове: Ратибора киевского тысячьского, Прокопью белгородского тысячьского, Станислава переяславского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа, и оставили до третьяго реза, оже емлеть в треть куны; аже кто возметь два реза, то то ему взяти исто, паки ли возметь три резы, то иста ему не взяти».⁷⁶ Однако отнесение к деятельности Владимира Всеволодовича других статей Пространной Правды является полем для дискуссий.⁷⁷ Как бы то ни было, но именно на этапе формирования Пространной редакции в акте появился ряд новых разделов и, видимо, тогда же произошло выделение правды Ярослава и Ярославичей специальными заголовками, отделявшими эту часть от вновь введённой. Точно также впоследствии пополнялись и Судебники, и Уложение 1649 г., когда к основному тексту документа приписывались позднейшие установления до тех пор, пока на каком-то этапе весь массив не подвергался переработке с выпуском нового акта, иногда сохранявшего в своём составе полностью или частично текст нескольких предшествующих документов. Именно такую ситуацию можно наблюдать, например, в Стоглаве.

Отдельный блок вопросов связан со сроками действия и полнотой использования тех или иных законов. Исследователи по сей день спорят о том, насколько долго оставалась действующим правовым актом в полном объёме Правда Русская, но само её использование в качестве источника права вплоть до принятия Судебника 1497 г. сомнений не вызывает, поскольку она сохранилась в большом количестве списков, преимущественно в составе Кормчих книг и других сборников юридического содержания, включая и тот, с которого по решению великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана был изготовлен вышеупомянутый список 1402 г.⁷⁸

Гораздо сложнее обстоит дело с Судебником Ивана III, который сохранился в единственном списке, что может объясняться наступившим после смерти Василия III боярским самовластьем, приведшим, по сути, к нарушению централизованного управления страной и к игнорированию общегосударственных законов, в результате чего дела велись «без царева и великого князя ведома», «без государева доклада», как указывалось в ст. 101 Стоглава.⁷⁹ Точно также восстановление

⁷⁴ Там же. С. 142, 144.

⁷⁵ Памятники российского права. Т. 1. С. 6, 55.

⁷⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 67–68.

⁷⁷ Там же. С. 101–107.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 6. С. 57–86.

⁷⁹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 376.

и укрепление управляемости в результате возведения Ивана Грозного на царство проявилось в судьбе его Судебника, включившего многие положения предшествующего акта или сохранившего их действие на те дела, которые были завершены до введения нового закона. Не случайно этот документ, несмотря на относительно короткий период своего действия, сохранился в нескольких десятках списков (более 40) XVI–XVIII вв.,⁸⁰ т. е. того времени, когда он оставался действующим правовым актом или использовался при подготовке нового законодательства. И даже Судебник 1589 г., само утверждение которого подвергается сомнению, известен в пяти списках Краткой и Пространной редакции.⁸¹

Исследователи давно обратили внимание, что в Судебнике 1550 г. впервые фиксируется неприменимость нового акта к прежде начатым или уже завершённым делам, которые следует «судити по тому, как те дела преж сего сужены» (ст. 97), и порядок внесения в законы дополнений и изменений на основе решений, принятых по конкретным делам «с государева доклада и со всех боар приговору» (ст. 98).⁸² Несмотря на то, что описанная в ст. 98 кодификационная процедура прослеживается и в предшествующий период, однако, как отмечает А. И. Филюшкин, со времен Правды Русской она носила казусный характер, теперь же была сделана попытка оформить её законодательно для тех случаев, когда государь инициировал обсуждение вопроса в думе, а не принимал решение единолично.⁸³ По наблюдению С. И. Штамм, с этого времени «решения Боярской Думы обычно рассылаются по приказам и областным начальникам и заносятся в указные книги приказов, составляя дополнения к Судебнику».⁸⁴

Нельзя согласиться с авторами, которые видят здесь ограничение власти царя (В. И. Сергеевич, В. О. Ключевский, М. Н. Покровский) или двойственность законодательной власти, когда царь лишь санкционировал принятые боярами нововведения (М. А. Дьяконов, А. Н. Филиппов, М. Ф. Владимирский-Буданов).⁸⁵ Суть разграничения полномочий состояла в усилении персональной ответственности представителей всех ветвей власти за праведность своих действий перед Богом и государем. Не случайны в этот период становятся чуть ли не обязательной та практика, которую можно наблюдать в договорах руси с греками X в. — подтверждение своего знакомства с текстом вводимого закона личной подписью или приложением руки, как в Стоглаве или в приговоре собора о монастырских землях, зафиксированном в грамоте от 15 января 1580 г., к которой «на большое утверждение» приложил свою печать царь.⁸⁶ Подписанты оказывались не просто со-творцами закона, но и его со-гарантами. Кроме того, многие правовые документы царского периода, а точнее, составлявшиеся на их основе грамоты, памяти и выписи сопровождалась крестоцеловальными записями, подтверждавшими, что административное или выборное лицо, которое должно было опираться на данный акт в своей деятельности, с ним ознакомлено, т. е. тоже входит в число гарантов. Не говоря уже о том крестоцеловании, которым в 1613 г. «всяких чинов люди» подтверждали своё согласие со свершившимся избранием на царство Михаила Фёдоровича Романова «по записи, какова по совету всей земли уложена».⁸⁷

⁸⁰ Там же. С. 34.

⁸¹ Памятники российского права. Т. 3. Кн. 2. С. 120–126.

⁸² Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 119–120, 170, 172.

⁸³ *Филюшкин А. И.* Законодательная деятельность Боярской думы в конце XV — середине XVI в. С. 208.

⁸⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 170, 172.

⁸⁵ Там же. С. 160–172

⁸⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. М., 1985. С. 26–28.

⁸⁷ Памятники российского права. Т. 3. Кн. 2. С. 234.

Здесь следует также отметить, что для актов договорного типа между великим князем и землёй, известных из новгородской практики середины XIII – третьей четверти XV вв., характерен принцип взаимной гарантии, который реализовывался посредством скрепления одной или двух встречных грамот не подписями, а печатями и крестоцелованием как князя «къ посаднику, и къ тысяцьскому, и ко всему Новугороду»⁸⁸ (которое, согласно тексту ряда договоров, происходило в присутствии представителей второй стороны — «при наших послехъ»⁸⁹), так и посадника, тысяцкого и всех новгородцев — к князю.⁹⁰ Если такой договор со стороны великого князя заключали сразу два гаранта, как в случае с великим князем Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем в 1371–1372 гг., или с великими князьями Василием Васильевичем и его сыном Иваном Васильевичем в 1456 г., или с великим князем Иваном Васильевичем и его сыном Иваном Ивановичем в 1471 г., то оба должны были целовать крест Новгороду и оба были адресатами ответного крестоцелования.⁹¹ Количество утверждающих печатей на таких грамотах различно, обычно от одной до трёх, но в конфликтных ситуациях их могло быть и больше, как в 1372 г., когда к наказу об условиях заключения мира было приложено «11 печатей всѣхъ посадцких людей» и было указано приложить к договору печати от всех пяти концов.⁹²

Снять с граждан крестное целование на правовом акте и угрозу проклятия, а также отменить акт, неправомерно созданный подчинёнными, могли только иерархи. Об этом свидетельствует послание митрополита Фотия от 24 сентября 1416 г. псковичам, составленное после обращения князя Андрея Александровича, посадника и бояр по поводу «душевредной» новой уставной грамоты, с разрешением «цѣлованіе уряженое княже Костянтиново Дмитріевича сложити... порушити ту новину, нужную грамоту христіаномъ» и вернуться к «своей старине».⁹³ Двумя десятилетиями ранее, в 1395 г. митрополит Киприан также отменил нововведение владыки Суздальского Дионисия, который «списаль грамоту, коли былъ во Пьсковѣ, а приписаль къ грамотѣ Князя Великого Александровѣ, по чему ходити, какъ ли судити, или кого какъ казнити, да выписаль и проклятье, кто иметь не по тому ходити: ино то Денисій Владыка не свое дѣло дѣлалъ, не по закону и не по правиломъ... И язъ тую грамоту рушаю. А вы, дѣти мои, Псковици, ажъ будетъ преже сего ходили по той грамотѣ Князя Великого Александровѣ, а будетъ то у вас старина: и вы по той старинѣ и ходите; а что владычня грамота Денисьева, а ту грамоту пошлите ко мнѣ, да тое я сам подеру: та грамота не въ грамоту. А что вписаль проклятіе и неблагословенъе патриарше, а то язъ съ васъ снимаю и благословляю васъ».⁹⁴

С вопросом о гарантах закона напрямую связана и формула ответственности нарушителя перед высшими силами, которая встречается в русских правовых актах с древности, хотя её нет в Правде Русской; в большей части новгородских актов, включая докончания с князьями и Новгородскую Судную грамоту; в Псковской Судной грамоте, созданной без согласования с князем. Отсутствует она и в Двинской уставной грамоте Василия Дмитриевича 1397 г. и Белозерской уставной грамоте 1488 г., выданных сразу после присоединения этих земель к Московскому государству исключительно от имени великого князя как суверена и единственного законодателя, пожаловавшего «бояр своих двинских, также сотского и всех своих черных людей Двинские земли»

⁸⁸ ГВНП. № 1–7, 9–11, 13–20, 22–23. С. 9–43.

⁸⁹ Там же № 1, 7. С. 10, 18.

⁹⁰ Там же. № 4, 9, 10, 11, 14, 15, 18, 19. С. 14, 19, 21, 24, 28, 29, 34, 36.

⁹¹ Там же. № 16, 22–23, 26–27. С. 31, 39–43, 45–51.

⁹² Там же. № 17. С. 32–33.

⁹³ АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 23. С. 48–50.

⁹⁴ Там же. № 10. С. 18–19.

и «своих людей и белозерцов — горожан, и становых людей, и волостных, и всех белозерцов» и обещавшего их обидчикам «быти ту от мене, от великого князя, в казни».⁹⁵

Зато мы видим эту формулу и в договорах с греками, и в церковных уставах, и в большинстве последующих великокняжеских юридических памятников. За исключением договоров X в., гарантами которых выступали как христиане, так и язычники, во всех остальных случаях формула ответственности имеет исключительно христианское наполнение. Причём, по наблюдению С. С. Пашина, в шести пользующихся доверием публичных и частных актах домонгольской Руси включена угроза «небесными карами не только от Бога, но и от святых патронов адресатов пожалования (дарения)».⁹⁶ Такая угроза есть и в других памятниках указанного времени — например, согласно Уставу новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине 1137 г., его нарушитель, «князь ли, или ин кто сильных новгородец, а будет Богу противен и святеи Софии», а в жалованных грамотах 1125–1155 гг. новгородским монастырям от великих князей Мстислава Владимировича и Изяслава Мстиславича кара ожидалась от св. Георгия или св. Пантелеймона.⁹⁷ Впрочем, в отдельных случаях правитель мог усилить защиту угрозой штрафных санкций, как в жалованной грамоте великого князя Ивана Даниловича Юрьеву монастырю на землю на Волоке 1337–1339 г. («то судить ему Богъ и святыи Георгии въ страшное свое пришествие, а князю великому дасть сто рубля»), либо заменить её наказанием от самого князя, как в Двинской уставной грамоте («быти ту от мене, от великого князя, в казни») и в уставной грамоте киевского князя Александра Владимировича церкви св. Софии в Киеве и митрополиту киевскому и всея Руси Исидору 1441 г. («приволениемъ нашим будем его казнью казнити великою»)⁹⁸

Кроме того, начиная со Смоленских уставных грамот 1136–1150 гг. в данной формуле почти постоянно можно обнаружить один интересный элемент. Если прежде памятники демонстрируют лишь представления о прямой зависимости благоволения и наказания Божия всей стране от способности правителя обеспечить в ней праведное управление, и об опасности гнева Божия для нарушителей,⁹⁹ то в грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича 1136 г. после традиционного предупреждения «Да сего (н)е посуживай никто же по моих днех, ни князь, ни людие», сказано, что нарушивший положения грамоты будет отвечать перед Богородицей, на князе же греха нет.¹⁰⁰ Устав великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых также содержит указание князя, что «аще же управить епископ сия управления наша, блажен будеть и небесному царствию наследник будеть, а не урядить, а мы то с своей души сводим... 23. А та вся дела приказах святей Софии и всему Новугороду моим мужам и 10-ти сочьским. Вы блюдите, а не възблюдете, и вы сами за то ответ дадите в день страшнаго суда пред лицом царя славы».¹⁰¹ То есть в этих актах подчёркивается, что правитель снимает с себя ответственность за души тех, кто не выполняет его предписаний, данных по воле Божией и утверждённых по согласованию с самими исполнителями.

⁹⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 181–182, 192, 195.

⁹⁶ Пашин С. С. Червонорусские параллели к статьям Русской Правды о роте // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 5. СПб., 2016. С. 131.

⁹⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 225; ГВНП. № 79–82. С. 139–141.

⁹⁸ ГВНП. № 86. С. 143; Памятники русского права. Т. 2. С. 100; Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 181.

⁹⁹ Повесть временных лет. С. 62, 66, 204, 226–229; Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 225.

¹⁰⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 213.

¹⁰¹ Там же. С. 252.

При этом интересно, что в грамотах Ивана Грозного, в частности, данных посадским людям Соли Перемышльской 11 августа 1555 г., перемышльским рыболовам 15 августа 1555 г., волостным крестьянам Устюжского уезда 15 октября 1555 г., за правый суд и управу меж крестьянами «по нашему уложению, по Судебнику и по уставной грамотѣ, безволочитно и беспосулно... и впередь толко намъ и землѣ управа ихъ будетъ любя», предусматривалось предоставление льгот выборным старостам и целовальникам — «и мы съ ихъ дворовъ, и съ вытей, что за ними пашни, пошлинъ и податей всякихъ имати не велимъ, да и сверхъ того ихъ пожалуемъ», за неправосудие же полагалось уголовное наказание вплоть до смертной казни «безъ отпросу».¹⁰² Таким образом, власть не рассчитывала только на сознательность или страх перед возможностью небесной кары тех, на кого возлагала ответственность за реализацию закона, но вводила и вполне земные средства наказания и поощрения.

Существенно, что в целом ряде правовых документов XVI столетия указано, что делегирование полномочий, а вместе с ними и ответственности местным выборным лицам произошло в результате недовольства населения тем, как назначенные государем наместники справляются с судебными и административно-хозяйственными функциями. В. М. Клеандрова отмечает, что реагируя на челобитные дворян, посадских людей, черносошных крестьян, великий князь, а затем и царь посредством губных и земских грамот жаловали им самоуправление, указывая, какие вопросы на основании этих грамот решаются иначе, чем по действующему общерусскому законодательству.¹⁰³ Указание на жалование полномочий по челобитью есть в губных и земских грамотах, выдававшихся с 1520-х годов, и в сообщении об этом Псковской Первой летописи под 1541 г. «Тоя же зиме бысть жалование государя нашего великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и до всеи своеи Руской земли... до своеи отчины милосерда, показа милость свою и нача жаловати, грамоты давати по всем градом большим и по пригородом и по волостем, лихих людей обыскивати самым крестьяном межь собя по крестному целованию, и их казнити смертноу казнию, а не водя к намеснику и къ их тивуну лихих людей, разбоиников и татеи».¹⁰⁴ Заметим, что великому князю в тот момент было всего 11 лет, и он не мог самостоятельно управлять страной, особенно в условиях боярского самовластья, о котором сам потом неоднократно вспоминал. В этой ситуации активизация начал самоуправления позволяла сохранить хоть какой-то контроль над ситуацией на местах, что, по-видимому, и сказалось на появлении большого числа подобных правовых актов. При этом во многих из них есть важная оговорка относительно права губных властей казнить смертноу казнию, как в ст. 5 Белозерской губной грамоты 1539 г. или ст. 12 Медынской губной грамоты 1555 г. — «то есмь положил на ваших душах», хотя в ст. 3 Белозерской грамоты определена и обратная ситуация: «то есмь положил на душах наших, а вам от меня опалы в том нет».¹⁰⁵ Таким образом, даже при делегировании одних и тех же полномочий государь мог варьировать сферы ответственности перед Богом, либо принимая её на себя, либо передавая выборным лицам, видимо, в зависимости от степени своего доверия им, поскольку вовсе не желал или не мог по малолетству отвечать за грехи тех, кто мог использовать закон в личных целях. Точно также не хотел он отвечать на Страшном суде и за небрежение своими обязанностями представителей духовенства, возлагая на них ответственность за своевременное информирование государя и его

¹⁰² ААЭ. Т. 1. № 242. С. 263; Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. № 5. С. 112–113, 172–173.

¹⁰³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 208.

¹⁰⁴ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 110.

¹⁰⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 214, 222.

служителей о несоответствии тех или иных установлений божественным правилам, как это видно из сборника решений Стоглавого собора 1551 г. (гл. 5, вопрос 1), созванного как раз для устранения подобных несоответствий в государственном и церковном устройстве, чтобы никому не погибнуть «заблудившися правого пути Господня».¹⁰⁶

Важно также отметить, что предоставление права самоуправления на основе жалованной грамоты, отменявшей действующий порядок, могло сопровождаться и финансовыми обязательствами по отношению к государю. Так, по наблюдению Т. Ю. Амплеевой, в 1552 г. за разрешение «наместника и тиуна отставить... управу чинить во всяких земских делах по судебнику выборным лучшим людям, кого они, все важане и шенкурцы, посадские люди и крестьяне, излюбили», жители Важского уезда обязывались ежегодно выплачивать в княжескую казну дополнительно 1500 рублей — «наместнический окуп», все наместничьи и тиунские пошлины, но такие льготы предоставлялись только тем волостям, которые сами на этом настаивали.¹⁰⁷

Интересен порядок распространения правовых актов периода централизации государства среди их адресатов. В Белозерской уставной грамоте 1488 г. такое распространение лишь подразумевается, поскольку акт представляет собой пожалование великого князя: «пожаловал есми своих людеи и белозерцов — горожан, и становых людеи, и волостных, и всех белозерцов: хто наших наместников у них ни будет, и они ходят по сеи по нашей грамоте».¹⁰⁸ А в концовке Белозерской (1539 г.), Каргопольской (1539 г.), Устюжской (1540 г.) губных грамот он специально прописан: «А сю бы есте нашу грамоту держали у тех людей, которых учините в которой волости в головах; а с сее бы есте грамоты списав списки розсылали меж себя по волостем, не издержав ни часу»,¹⁰⁹ на что обратила внимание и В. М. Клеандрова: «заключение интересно не только тем, что требует от губных голов знания этой грамоты и применения ее, но и рассылки списков с нее по волостям».¹¹⁰ Видимо, сохранение большого количества этого вида документов обусловлено как разведением их списков до уровня местных выборных властей. Точно также и сохранение более 100 списков Стоглава связано не только с его авторитетностью у старообрядцев, но и с тем, что в соборном приговоре 11 июня 1551 г. было прямо указано давать наказ с уставной грамоты «всем попам и дьяконам, и протопопам, архиморитам и игуменам».¹¹¹ А о практике выдачи выборным судьям Судебника «за дьячьєю приписью» — «по чему судити и управа межъ крестьянъ чинити», — свидетельствует, например, земская грамота 1554 г. двинянам Нижней половины.¹¹² С введением же губных учреждений появилась закреплённая затем и в Уложении 1649 г. практика выдачи наказов как источника судебных решений выборным губным старостам после их присяги в Разбойном приказе.¹¹³

В Судебнике 1497 г. (ст. 67) впервые можно обнаружить также регламентацию порядка информирования населения о действующих правовых нормах (пока лишь

¹⁰⁶ Там же. С. 268.

¹⁰⁷ Памятники русского права. В 35 т. Т. 3. Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Кн. 1. М., 2013. С. 323.

¹⁰⁸ Памятники русского права. Т. 2. С. 107.

¹⁰⁹ Памятники русского права. Т. 3. Кн. 1. С. 76–77; Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. С. 18–20.

¹¹⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 218.

¹¹¹ Там же. С. 379.

¹¹² Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства. С. 168.

¹¹³ Там же. С. 43.

относительно лжесвидетельства и посулов судьям) — путём их «прокликания» «по торгом на Москве и во всех городех Московские земли и Новгородские земли и по всем волостем». В Судебнике 1550 г. (ст. 99) это положение было воспроизведено с распространением также и на Тверскую землю, а в Судебнике 1589 г. (ст. 202) — в варианте 1497 г. с добавлением «и по сборным церквам и по выставочным».¹¹⁴ Решения законодательного порядка, принимавшиеся в период Смуты, в том числе и акт земского собора первого Ополчения от 30 июля 1611 г., доводились до населения посредством рассылки грамот.

Принятие законодательных документов Смутного времени осуществлялось «по боярскому и всей Земли... приговору», поскольку теперь управлял всем не государь, а избранные «всею Землею по сему все Земли приговору» бояре.¹¹⁵ Но и в первые годы после восстановления царской власти роль «всей Земли» в принятии нормативных актов оставалась очень велика, в том числе и потому, что реализация многих решений была связана с дополнительным финансовым бременем для всего населения. Это видно и из первых установлений новой династии, таких, как грамота в Тотьму от 18 марта 1616 г. с изложением приговора собора о сборе пятой деньги «с Москвы и со всех городов всех наших великих Российских государств с посадов и с уездов...»¹¹⁶ и тем более Окружная грамота царя Михаила Федоровича в Новгород от 5 июля 1619 г., где указано, что по челобитью разных людей царь с митрополитом, архиепископами, епископами «и со всем освященным собором, и с бояры, и с окольными, и с думными людьми, и со всеми людьми Московского государства, учиня собор, о всех статьях говорили, как бы то исправить и земля устроить».¹¹⁷ Именно с необходимостью заново обустроить государство связана отмечаемая исследователями интенсификация законодательства. О. И. Чистяков подчёркивает, что из 445 указов, выпущенных с 1550 по 1649 г., лишь 80 приходится на XVI век.¹¹⁸

Уложение 1649 г. объединяет в себе все те черты, которые на протяжении столетий в большей или меньшей степени проявлялись в законотворческой деятельности власти и общества. Поводом для его разработки стал ряд челобитных царю 1637 г. и 1648 г. от дворян и торговых людей о принятии «уложенной судебной книги», «чтоб вперед по той Уложенной книге всякие дела делать и вершить». Государь, посоветовавшись с иерархами и «со всем освященным Собором» и обсудив «с своими государевыми бояры, и с окольными, и с думными людьми» отечественные и зарубежные правовые традиции, указал группе своих мужей собрать информацию и подготовить письменный доклад. Также по совету с патриархом царь указал и бояре приговорили выбрать из всех сословий всего государства «добрых и смышленных людей, чтобы его государево царьственное и земское дело с теми со всеми выборными людьми утвердить и на мере поставить, чтобы те все великие дела, по нынешнему его государеву указу и Соборному Уложению, впредь были ни чем нерушимы». Таким образом сначала вопросы, требующие изменений в законодательстве, определялись государем совместно с духовенством, затем по указанию государя материалы для обсуждения разрабатывались назначенными государем боярами, потом царь совместно с патриархом и боярами принимали решение о проведении выборов участников обсуждения. Первые слушания проводились отдельно для властей и для выборных, причем у выборных по указу царя присутствовал один из бояр. По результатам обсуждения царь указал сделать итоговый список и подписать его иерархам «и всему освященному

¹¹⁴ Там же. С. 62, 120; Памятники российского права. Т. 3. Кн. 2. С. 142.

¹¹⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 24–25, 47–48.

¹¹⁶ Там же. С. 63.

¹¹⁷ Там же. С. 68–69.

¹¹⁸ Там же. С. 257–258.

собору, и своим государевым бояром, и околничим, и думным людем, и выборным дворяном и детем боярским, и гостем, и торговым и посадъцким людем Московского государства и всех городов Росийского царства» — всего 315 подписей. Закреплённое таким способом Уложение «указал государь списати в книгу, и закрепить тое книгу дьяком Гаврилу Левонтьеву, да Федору Грибоедову, а с тое книги для утверженья на Москве во все приказы и в города, напечатать многие книги, и всякия дела делать по тому Уложению».¹¹⁹

Из этого описания совершенно отчётливо видно, что власть принуждала население к участию в законодательной деятельности, инициированной отдельными его группами, и контролировала весь процесс от начала до конца. И для этого были причины, как видно из воеводской отписки из Галича в Москву от 13 декабря 1636 г., в которой сообщается о нежелании дворян и детей боярских съезжаться в Галич для выбора участников очередного собора, из-за чего выбрать удалось лишь 6 человек из 20 явившихся, и поясняется — «а больши, государь, тех 20 человек галичяня дворяня и дети боярские и беляня на выборных дворян выбору не дадут, ослушаютца».¹²⁰ А на соборе по вопросу о закреплении Азова за Россией, решение которого датировано 3 января 1642 г, пришлось сначала раздать материалы для обсуждения «разных всяких чинов выборным людем, для подлинного ведома...порознь при боярех», а затем заставить каждую из этих групп дать письменные приговоры. Всего было получено 4 письма от представителей 41 города, 1 от торговых и 1 от посадских людей. Только иерархи отказались давать конкретные предложения, указав, что этот вопрос находится в компетенции государя и его синклита.¹²¹ Бывали и такие случаи, когда государь указывал слушать законопроекты боярам и по рассмотрении лишь утверждал принятые ими решения, как в приговоре 17 января 1636 г.¹²²

Видимо, одним из следствий Смуты стало усиление внимания к доведению законов до всего населения. С 1622 г. было направлено несколько «памятей» — выписок из государевых указов из Разбойного и Челобитенного приказов в Земский.¹²³ В памяти по указу 19 августа 1634 г. указано руководителям Земского приказа «велети биричью кликати не по один день по улицам и перулкам... и о том послать з государева указу память в черные сотни и в слободы к соцким и к старостам, чтоб им государев указ был ведом».¹²⁴ В Памяти в Разбойный приказ 9 августа 1635 г. государь указывал «свой государев указ во всех приказаех записать и свои государевы грамоты ис приказов во все города, где которые города ведомы, послать... Да и биричем велеть о том в городех по многие торговые дни кликати и по торшком, чтоб однолично в городех, которые города ведомы в Розбойном приказе, тот государев указ был всем ведом... И сесь государев указ всяким людем у приказу велеть сказать и прочеть при многих людех и не одинова, чтоб сесь государев указ всем людем ведом был».¹²⁵ Использование же возможностей книгопечатания при издании Уложения 1649 г. перевело задачу распространения правовой грамотности на качественно новый уровень, поскольку купить печатное Уложение потенциально мог каждый, хотя стоило оно по тем временам очень дорого — от 3 до 5 рублей.¹²⁶

¹¹⁹ Там же. С. 83–85.

¹²⁰ Памятники российского права. Т. 3. Кн. 2. С. 239–241.

¹²¹ Там же. С. 242–255.

¹²² Там же. С. 310–314.

¹²³ Там же. С. 293 и далее.

¹²⁴ Там же. С. 298.

¹²⁵ Там же. С. 290–291.

¹²⁶ Желонкина Е. А. Законотворческая техника в России XVII–XIX веков. С. 65.

Источники и литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1841.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1836.
3. *Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III: Традиции и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
4. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: АН СССР, 1949.
5. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М.: Наука, 1976.
6. *Желонкина Е. А.* Законотворческая техника в России XVII–XIX веков. М.: Юрлитинформ, 2015.
7. *Митрополит Иларион.* Слово о Законе и Благодати. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
8. *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001.
9. Памятники российского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права древней Руси: учебно-научное пособие. М.: Юрлитинформ, 2013.
10. Памятники российского права. В 35 т. Т. 2. Памятники права удельной Руси: учебно-научное пособие. М.: Юрлитинформ, 2013.
11. Памятники российского права. В 35 т. Т. 3. Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Кн. 1. М.: Юрлитинформ, 2013.
12. Памятники российского права. В 35 т. Т. 3. Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Кн. 2. М.: Юрлитинформ, 2014.
13. *Пашин С. С.* Червонорусские параллели к статьям Русской Правды о роте // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 5. СПб., 2016. С. 128–132.
14. Повесть временных лет. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007. (Лит. памятники).
15. *Почekaев Р. Ю.* Право Золотой Орды. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2009.
16. *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М.: АН СССР. 1950.
17. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941.
18. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1. Пг., 1915.
19. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л., 1925. С. 321–536.
20. ПСРЛ. Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853.
21. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
22. ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
23. ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1882.
24. ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885.
25. ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897.
26. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
27. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984.
28. Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985.
29. Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты земских соборов. М.: Юрид. лит., 1985.
30. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. Л.: Наука, 1968.
31. *Филлюшкин А. И.* Законодательная деятельность Боярской думы в конце XV — середине XVI в. (к вопросу о процедуре законотворчества) // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М.: Парад, 2000. С. 200–210.

32. *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX–начала XIII столетия. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 1992.
33. *Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М.: Наука, 1991.
34. *Шумаков С. А.* Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895.